

Процесс

Автор:

Франц Кафка

Процесс

Франц Кафка

«Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест. Кухарка его квартирной хозяйки фрау Грубах, ежедневно приносившая ему завтрак около восьми, на этот раз не явилась. Такого случая еще не бывало. К. немного подождал, поглядел с кровати на старуху, жившую напротив, – она смотрела на него из окна с каким-то необычным для нее любопытством – и потом, чувствуя и голод, и некоторое недоумение, позвонил...»

Франц Кафка

Процесс

1. Арест. Разговор с фрау Грубах, потом с фройляйн Бюрстнер

Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест. Кухарка его квартирной хозяйки фрау Грубах, ежедневно приносившая ему завтрак около восьми, на этот раз не явилась. Такого случая еще не бывало. К. немного подождал, поглядел с кровати на старуху, жившую напротив, – она смотрела на него из окна с каким-то необычным для нее любопытством – и потом, чувствуя и голод, и некоторое недоумение, позвонил. Тотчас же раздался стук, и в комнату вошел какой-то человек. К. никогда раньше в этой квартире его не видел. Он был худощав и

вместе с тем крепко сбит, в хорошо пригнанном черном костюме, похожем на дорожное платье – столько на нем было разных вытачек, карманов, пряжек, пуговиц и сзади хлястик, – от этого костюм казался особенно практичным, хотя трудно было сразу сказать, для чего все это нужно.

– Вы кто такой? – спросил К. и приподнялся на кровати.

Но тот ничего не ответил, как будто его появление было в порядке вещей, и только спросил:

– Вы звонили?

– Пусть Анна принесет мне завтрак, – сказал К. и стал молча разглядывать этого человека, пытаясь прикинуть и сообразить, кто же он, в сущности, такой? Но тот не дал себя особенно рассматривать и, подойдя к двери, немного приоткрыл ее и сказал кому-то, очевидно стоявшему тут же, за порогом:

– Он хочет, чтобы Анна подала ему завтрак.

Из соседней комнаты слышался короткий смешок; по звуку трудно было угадать, один там человек или их несколько. И хотя незнакомец явно не мог услышать ничего для себя нового, он заявил К. официальным тоном:

– Это не положено!

– Вот еще новости! – сказал К., соскочил с кровати и торопливо натянул брюки. – Сейчас взгляну, что там за люди в соседней комнате. Посмотрим, как фрау Грубах объяснит это вторжение.

Правда, он тут же подумал, что не стоило высказывать свои мысли вслух, – выходило так, будто этими словами он в какой-то мере признает за незнакомцем право надзора; впрочем, сейчас это было неважно. Но, видно, незнакомец так его и понял, потому что сразу сказал:

– Может быть, вам лучше остаться тут?

– И не останусь, и разговаривать с вами не желаю, пока вы не скажете, кто вы такой.

– Зря обижаетесь, – сказал незнакомец и сам открыл дверь.

В соседней комнате, куда К. прошел медленнее, чем ему того хотелось, на первый взгляд со вчерашнего вечера почти ничего не изменилось. Это была гостиная фрау Грубах, загроможденная мебелью, коврами, фарфором и фотографиями; пожалуй, в ней сейчас стало немного просторнее, хотя это не сразу было заметно, тем более что главная перемена заключалась в том, что там находился какой-то человек. Он сидел с книгой у открытого окна и сейчас, подняв глаза, сказал:

– Вам следовало остаться у себя в комнате! Разве Франц вам ничего не говорил?

– Да что вам, наконец, нужно? – спросил К., переводя взгляд с нового посетителя на того, кого называли Франц (он стоял в дверях), и снова на первого. В открытое окно видна была та старуха: в припадке старческого любопытства она уже перебежала к другому окну – посмотреть, что будет дальше.

– Вот сейчас я спрошу фрау Грубах, – сказал К. И хотя он стоял поодаль от тех двоих, но сделал движение, словно хотел вырваться у них из рук, и уже пошел было из комнаты.

– Нет, – сказал человек у окна, бросил книжку на столик и встал: – Вам нельзя уходить. Ведь вы арестованы.

– Похоже на то, – сказал К. и добавил: – А за что?

– Мы не уполномочены давать объяснения. Идите в свою комнату и ждите. Начало вашему делу положено, и в надлежащее время вы все узнаете. Я и так нарушаю свои полномочия, разговаривая с вами по-дружески. Но надеюсь, что, кроме Франца, никто нас не слышит, а он и сам вопреки всем предписаниям слишком любезен с вами. Если вам и дальше так повезет, как повезло с назначением стражи, то можете быть спокойны.

К. хотел было сесть, но увидел, что в комнате, кроме кресла у окна, сидеть не на чем.

– Вы еще поймете, какие это верные слова, – сказал Франц, и вдруг оба сразу подступили к нему.

Второй был много выше ростом, чем К. Он все похлопывал его по плечу. Они стали ощупывать ночную рубашку К., приговаривая, что теперь ему придется надеть рубаху куда хуже, но эту рубашку и все остальное его белье они приберегут, и, если дело обернется в его пользу, ему все отдадут обратно.

– Лучше отдайте вещи нам, чем на склад, – говорили они. – На складе вещи подменяют, а кроме того, через некоторое время все вещи распродают – все равно, окончилось дело или нет. А вы знаете, как долго тянутся такие процессы, особенно в нынешнее время! Конечно, склад вам в конце концов вернет стоимость вещей, но, во-первых, сама по себе сумма ничтожная, потому что при распродаже цену вещей назначают не по их стоимости, а за взятки, да и вырученные деньги тают, они ведь что ни год переходят из рук в руки.

Но К. даже не слушал, что ему говорят, ему не важно было, кто получит право распоряжаться его личными вещами, как будто еще принадлежавшими ему; гораздо важнее было уяснить свое положение; но в присутствии этих людей он даже думать как следует не мог: второй страж – кто же они были, как не стражи? – все время толкал его, как будто дружески, толстым животом, но когда К. подымал глаза, он видел совершенно не соответствующее этому толстому туловищу худое, костлявое лицо с крупным, свернутым набок носом и перехватывал взгляд, которым этот человек обменивался через его голову со своим товарищем. Кто же эти люди? О чем они говорят? Из какого они ведомства? Ведь К. живет в правовом государстве, всюду царит мир, все законы незыблемы, кто же смеет нападать на него в его собственном жилище? Всегда он был склонен относиться ко всему чрезвычайно легко, признавался, что дело плохо, только когда действительно становилось очень плохо, и привык ничего не предпринимать заранее, даже если надвигалась угроза. Но сейчас ему показалось, что это неправильно, хотя все происходящее можно было почесть и за шутку, грубую шутку, которую неизвестно почему – может быть, потому, что сегодня ему исполнилось тридцать лет? – решили с ним сыграть коллеги по банку. Да, конечно, это вполне вероятно; по-видимому, следовало бы просто рассмеяться в лицо этим стражам, и они рассмеялись бы вместе с ним; а может, это просто рассыльные, вполне похоже, но почему же тогда при первом взгляде

на Франца он твердо решил ни в чем не уступать этим людям? Меньше всего К. боялся, что его потом упреknут в непонимании шуток, зато он отлично помнил – хотя обычно с прошлым опытом и не считался – некоторые случаи, сами по себе незначительные, когда он в отличие от своих друзей сознательно пренебрегал возможными последствиями и вел себя крайне необдуманно и неосторожно, за что и расплачивался полностью. Больше этого с ним повториться не должно, хотя бы теперь, а если это комедия, то он им подыграет. Но пока что он еще свободен.

– Позвольте, – сказал он и быстро прошел мимо них в свою комнату.

– Видно, разумный малый, – услышал он за спиной.

В комнате он тотчас же стал выдвигать ящики стола; там был образцовый порядок, но удостоверение личности, которое он искал, он от волнения никак найти не мог. Наконец он нашел удостоверение на велосипед и уже хотел идти с ним к стражам, но потом эта бумажка показалась ему неубедительной, и он снова стал искать, пока не нашел свою метрику.

Когда он возвратился в соседнюю комнату, дверь напротив отворилась и вышла фрау Грубах. Но, увидев К., она остановилась в дверях, явно смутившись, извинилась и очень осторожно прикрыла двери.

– Входите же! – только и успел сказать К.

Сам он так и остался стоять посреди комнаты с бумагами в руках, глядя на дверь, которая не открывалась, и только возглас стражей заставил его вздрогнуть, – они сидели за столиком у открытого окна, и К. увидел, что они поглощают его завтрак.

– Почему она не вошла? – спросил он.

– Не разрешено, – сказал высокий. – Ведь вы арестованы.

– То есть как арестован? Разве это так делается?

– Опять вы за свое, – сказал тот и обмакнул хлеб в баночку с медом. – Мы на такие вопросы не отвечаем.

– Придется ответить, – сказал К. – Вот мои документы, а вы предъявите свои, и первым делом – ордер на арест.

– Господи, твоя воля! – сказал высокий. – Почему вы никак не можете примириться со своим положением? Нет, вам непременно надо злить нас, и совершенно зря, ведь мы вам сейчас самые близкие люди на свете!

– Вот именно, – сказал Франц, – можете мне поверить. – И он посмотрел на К. долгим и, должно быть, многозначительным, но непонятым взглядом поверх чашки с кофе, которую держал в руке.

Сам того не желая, К. ответил Францу таким же выразительным взглядом, но тут же хлопнул по своим документам и сказал:

– Вот мои бумаги.

– Да какое нам до них дело! – крикнул высокий. – Право, вы ведете себя хуже ребенка. Чего вы хотите? Неужто вы думаете, что ваш огромный, страшный процесс закончится скорее, если вы станете спорить с нами, с вашей охраной, о всяких документах, об ордерах на арест? Мы – низшие чины, мы и в документах почти ничего не смыслим, наше дело – стеречь вас ежедневно по десять часов и получать за это жалованье. К этому мы и приставлены, хотя, конечно, мы вполне можем понять, что высшие власти, которым мы подчиняемся, прежде чем отдать распоряжение об аресте, точно устанавливают и причину ареста, и личность арестованного. Тут ошибок не бывает. Наше ведомство – насколько оно мне знакомо, хотя мне там знакомы только низшие чины, – никогда, по моим сведениям, само среди населения виновных не ищет: вина, как сказано в законе, сама притягивает к себе правосудие, и тогда властям приходится посылать нас, то есть стражу. Таков закон. Где же тут могут быть ошибки?

– Не знаю я такого закона, – сказал К.

– Тем хуже для вас, – сказал высокий.

– Да он и существует только у вас в голове, – сказал К. Ему очень хотелось как-нибудь проникнуть в мысли стражей, изменить их в свою пользу или самому проникнуться этими мыслями. Но высокий только отрывисто сказал:

– Вы его почувствуете на себе.

Тут вмешался Франц:

– Вот видишь, Виллем, он признался, что не знает закона, а сам при этом утверждает, что невиновен.

– Ты совершенно прав, но ему ничего не объяснишь, – сказал тот.

К. больше не стал с ними разговаривать; неужели, подумал он, я дам сбить себя с толку болтовней этих низших чинов – они сами так себя называют. И говорят они о вещах, в которых совсем ничего не смыслят. А самоуверенность у них просто от глупости. Стоит мне обменяться хотя бы двумя-тремя словами с человеком моего круга, и все станет несравненно понятнее, чем длиннейшие разговоры с этими двумя. Он прошелся несколько раз по комнате, увидел, что старуха напротив уже притащила к окну еще более древнего старика и стоит с ним в обнимку. Надо было прекратить это зрелище.

– Проведите меня к вашему начальству, – сказал он.

– Не раньше, чем начальству будет угодно, – сказал страж, которого звали Виллем. – А теперь, – добавил он, – я вам советую пройти к себе в комнату и спокойно дожидаться, что с вами решат сделать. И наш вам совет: не расходуйте силы на бесполезные рассуждения, лучше соберитесь с мыслями, потому что к вам предъявят большие требования. Вы отнеслись к нам не так, как мы заслужили своим обращением, вы забыли, что, кем бы мы ни были, мы, по крайней мере по сравнению с вами, люди свободные, а это немалое преимущество. Однако, если у вас есть деньги, мы готовы принести вам завтрак из кафе напротив.

К. немного постоял, но на это предложение ничего не ответил. Может быть, если он откроет дверь в соседнюю комнату или даже в прихожую, эти двое не посмеют его остановить; может быть, самое простое решение – пойти напролом? Но ведь они могут его схватить, а если он потерпит такое унижение, тогда

пропадет его превосходство над ними, которое он в некотором отношении еще сохранил. Нет, лучше дожидаться развязки – она должна прийти сама собой, в естественном ходе вещей; поэтому К. прошел к себе в комнату, не обменявшись больше со стражами ни единым словом.

Он бросился на кровать и взял с умывальника прекрасное яблоко – он припас его на завтрак еще с вечера. Другого завтрака у него сейчас не было, и, откусив большой кусок, он уверил себя, что это куда лучше, чем завтрак из грязного ночного кафе напротив, который он мог бы получить по милости своей стражи. Он чувствовал себя хорошо и уверенно; правда, он на полдня опаздывал в банк, где служил, но при той сравнительно высокой должности, какую он занимал, ему простят это опоздание. Не привести ли в оправдание истинную причину? Он так и решил сделать. Если же ему не поверят, чему он нисколько не удивится, то он сможет сослаться на фрау Грубах или на тех стариков напротив – сейчас они, наверно, уже переходят к другому своему окошку. К. был удивлен, вернее, он удивлялся, становясь на точку зрения стражи: как это они прогнали его в другую комнату и оставили одного там, где он мог десятком способов покончить с собой? Однако он тут же подумал, уже со своей точки зрения: какая же причина могла бы его на это толкнуть? Неужели то, что рядом сидят двое и поедают его завтрак? Покончить с собой было бы настолько бессмысленно, что при всем желании он не мог бы совершить такой бессмысленный поступок. И если бы умственная ограниченность этих стражей не была столь очевидна, то можно было бы предположить, что и они пришли к такому же выводу и поэтому не видят никакой опасности в том, что оставили его одного. Пусть бы теперь посмотрели, если им угодно, как он подходит к стенному шкафчику, где спрятан отличный коньяк, опрокидывает первую рюмку взамен завтрака, а потом и вторую – для храбрости, на тот случай, если храбрость понадобится, что, впрочем, маловероятно.

Но тут он так испугался окрика из соседней комнаты, что зубы лязгнули о стекло.

– Вас вызывают к инспектору! – крикнули оттуда.

Его напугал именно крик, этот короткий, отрывистый солдатский окрик, какого он никак не ожидал от Франца. Сам же приказ его очень обрадовал.

– Наконец-то! – крикнул он, запер стенной шкафчик и побежал в гостиную. Но там его встретили оба стража и сразу, будто так было нужно, загнали обратно в

его комнату.

– Вы с ума сошли! – крикнули они. – В рубахе идти к инспектору! Он и вас прикажет высечь, и нас тоже!

– Пустите меня, черт побери! – крикнул К., которого уже оттеснили к самому гардеробу. – Напали на человека в кровати, да еще ждут, что он будет во фраке!

– Ничего не поделаешь! – сказали оба; всякий раз, когда К. подымал крик, они становились не только совсем спокойными, но даже какими-то грустными, что очень сбивало его с толку, но отчасти и успокаивало.

– Смешные церемонии! – буркнул он, но сам уже снял пиджак со стула и подержал в руках, словно предоставляя стражам решать, подходит ли он.

Те покачали головой.

– Нужен черный сюртук, – сказали они.

К. бросил пиджак на пол и сказал, сам не зная, в каком смысле он это говорит:

– Но ведь дело сейчас не слушается?

Стражи ухмыльнулись, но упрямо повторили:

– Нужен черный сюртук.

– Что ж, если этим можно ускорить дело, я не возражаю, – сказал К., сам открыл шкаф, долго рылся в своей многочисленной одежде, выбрал лучшую черную пару – она сидела так ловко, что вызывала прямо-таки восхищение знакомых, – достал свежую рубашку и стал одеваться со всей тщательностью. Втайне он подумал, что больше задержек не будет – стража забыла даже заставить его принять ванну. Он следил за ними – а вдруг они все-таки вспомнят, но им, разумеется, и в голову это не пришло, хотя Виллем не забыл послать Франца к инспектору доложить, что К. уже одевается.

Когда он оделся окончательно, Виллем, идя за ним по пятам, провел его через пустую гостиную в следующую комнату, куда уже широко распахнули двери. К. знал точно, что в этой комнате недавно поселилась некая фройляйн Бюрстнер, машинистка; она очень рано уходила на работу, поздно возвращалась домой, и К. только обменивался с ней обычными приветствиями. Теперь ее ночной столик был выдвинут для допроса на середину комнаты, и за ним сидел инспектор. Он скрестил ноги и закинул одну руку на спинку стула.

В углу комнаты трое молодых людей – они разглядывали фотографии фройляйн Бюрстнер, воткнутые в плетеную циновку на стене. На ручке открытого окна висела белая блузка. В окно напротив уже высунулись те же старики, но зрителей там прибавилось: за их спинами возвышался огромный мужчина в раскрытой на груди рубахе, который все время крутил и вертел свою рыжеватую бородку.

– Йозеф К.? – спросил инспектор, должно быть, только для того, чтобы обратить на себя рассеянный взгляд К.

К. наклонил голову.

– Должно быть, вас очень удивили события сегодняшнего утра? – спросил инспектор и обеими руками пододвинул к себе немногие вещи, лежавшие на столике: свечу со спичками, книжку, подушечку для булавок, как будто эти предметы были ему необходимы при опросе.

– Конечно, – сказал К., и его охватило приятное чувство: наконец перед ним разумный человек, с которым можно поговорить о своих делах. – Конечно, я удивлен, но, впрочем, и не очень удивлен.

– Не очень? – переспросил инспектор и, передвинув свечу на середину столика, начал расставлять вокруг нее остальные вещи.

– Возможно, что вы не так меня поняли, – заторопился К. – Я только хотел сказать... – Тут он осекся и стал искать, куда бы ему сесть. – Мне можно сесть? – спросил он.

– Это не полагается, – ответил инспектор.

– Я только хотел сказать, – продолжил К. без задержки, – что я, конечно, очень удивлен, но когда проживешь тридцать лет на свете, да еще если пришлось самому пробиваться в жизни, как приходилось мне, то поневоле привыкаешь ко всяким неожиданностям и не принимаешь их слишком близко к сердцу. Особенно такие, как сегодня.

– Почему особенно такие, как сегодня?

– Нет, я не говорю, что все считаю шуткой, по-моему, для шутки это слишком далеко зашло. Очевидно, в этом принимали участие все обитатели пансиона, да и все вы, а это уже переходит границы шутки. Так что не думаю, чтоб это была просто шутка.

– И правильно, – сказал инспектор и посмотрел, сколько спичек осталось в коробке.

– Но, с другой стороны, – продолжал К., обращаясь ко всем присутствующим – ему хотелось привлечь внимание и тех троих, рассматривавших фотографии, – с другой стороны, особого значения все это иметь не может. Вывожу я это из того, что меня в чем-то обвиняют, но ни малейшей вины я за собой не чувствую. Но и это не имеет значения, главный вопрос – кто меня обвиняет? Какое ведомство ведет дело? Вы чиновники? Но на вас нет формы, если только ваш костюм, – тут он обратился к Францу, – не считать формой, но ведь это, скорее, дорожное платье. Вот в этом вопросе я требую ясности, и я уверен, что после выяснения мы все расстанемся друзьями.

Тут инспектор со стуком положил спичечный коробок на стол.

– Вы глубоко заблуждаетесь, – сказал он. – И эти господа, и я сам – все мы никакого касательства к вашему делу не имеем. Больше того, мы о нем почти ничего не знаем. Мы могли бы носить самую настоящую форму, и ваше дело от этого ничуть не ухудшилось бы. Я даже не могу вам сказать, что вы в чем-то обвиняетесь, вернее, мне об этом ничего не известно. Да, вы арестованы, это верно, но больше я ничего не знаю. Может быть, вам стража чего-нибудь наболтала, но все это пустая болтовня. И хотя я не отвечаю на ваши вопросы, но могу вам посоветовать одно: поменьше думайте о нас и о том, что вас ждет, думайте лучше, как вам быть. И не кричите вы так о своей невинности, это нарушает то, в общем неплохое, впечатление, которое вы производите. Вообще

вам надо быть сдержаннее в разговорах. Все, что вы тут наговорили, и без того было ясно из вашего поведения, даже если бы вы произнесли только два слова, а кроме того, все это вам на пользу не идет.

К. в недоумении смотрел на инспектора. Его отчитывают, как школьника, и кто же? Человек, который, вероятно, моложе его! За откровенность ему приходится выслушивать выговор! А о причине ареста, о том, кто велел его арестовать, – ни слова! Он даже разволновался, стал ходить взад и вперед по комнате, чему никто не препятствовал. Сдвинул под рукав манжеты, поправил манишку, пригладил волосы, сказал, проходя мимо трех молодых людей: «Какая бессмыслица!», на что те обернулись к нему и сочувственно, хотя и строго, посмотрели на него, и наконец остановился перед столиком инспектора.

– Прокурор Гастерер – мой давний друг, – сказал он. – Можно мне позвонить ему?

– Конечно, – ответил инспектор, – но я не знаю, какой в этом смысл, разве что вам надо переговорить с ним по личному делу.

– Какой смысл? – воскликнул К. скорее озадаченно, чем сердито. – Да кто вы такой? Ищете смысл, а творите такую бессмыслицу, что и не придумаешь. Да тут камни возопят! Сначала эти господа на меня напали, а теперь расселись, стоят и глазют всем скопом, как я пляшу под вашу дудку. И еще спрашиваете, какой смысл звонить прокурору, когда мне сказано, что я арестован! Хорошо, я не буду звонить!

– Отчего же? – сказал инспектор и повел рукой в сторону передней, где висел телефон. – Звоните, пожалуйста!

– Нет, теперь я сам не хочу, – сказал К. и подошел к окну.

Вся компания еще стояла у окна напротив, но то, что К. подошел к окну, нарушило их спокойное созерцание.

Старики хотели было встать, но мужчина, стоявший сзади, успокоил их.

– А эти там тоже глазют! – громко крикнул К. инспектору и ткнул пальцем в окно. – Убирайтесь оттуда! – закричал он в окошко.

Те трое сразу отступили вглубь, старики даже спрятались за соседа, прикрывшего их своим большим телом, и по его губам было видно, как он им что-то говорил, но издали трудно было разобрать слова. Однако они не ушли совсем, а словно выжидали минуту, когда можно будет незаметно опять подойти к окну.

– Какая назойливость, какая бесцеремонность! – сказал К., отходя от окна.

Инспектор как будто с ним согласился, по крайней мере так показалось К., когда он искоса на него взглянул. Впрочем, возможно, что тот и не слушал, потому что он плотно прижал ладонь к столику и как будто сравнивал длину своих пальцев. Оба стража сидели на сундуке, прикрытом для красоты ковриком, и потирали колени. Трое молодых людей, уперев руки в бока, бесцельно смотрели по сторонам. Было тихо, словно в какой-нибудь опустевшей конторе.

– Ну-с, господа! – воскликнул К., и ему показалось, что он отвечает за них за всех. – По вашему виду можно заключить, что мое дело исчерпано. Я склонен считать, что лучше всего не разбираться, оправданны или неоправданны ваши поступки, и мирно разойтись, обменявшись дружеским рукопожатием. Если вы со мной согласны, то прошу вас... – И, подойдя к столику инспектора, он протянул ему руку.

Инспектор поднял глаза и, покусывая губы, посмотрел на протянутую руку. К. подумал, что он ее сейчас пожмет. Но тот встал, взял круглую жесткую шляпу, лежавшую на постели фройляйн Бюрстнер, и осторожно, обеими руками, как меряют обычно новые шляпы, надел ее на голову.

– Как просто вы все себе представляете! – сказал он К. – Значит, по-вашему, нам надо мирно разойтись? Нет, нет, так не выйдет. Но я вовсе не хочу сказать, что вы должны впасть в отчаяние. Нет, зачем же! Ведь вы только арестованы, больше ничего. Что я и должен был вам сообщить, сообщил и видел, как вы это приняли. На сегодня хватит, и мы можем попрощаться – правда, только на время. Вероятно, вы захотите сейчас отправиться в банк?

– В банк? – спросил К. – Но я думал, что меня арестовали!

К. сказал это с некоторым вызовом: несмотря на то что его рукопожатие отвергли, он чувствовал, особенно когда инспектор встал, что он все меньше

зависит от этих людей. Он с ними играл. Он даже решил, если они уйдут, побежать за ними до ворот и предложить, чтобы они его арестовали. Поэтому он и повторил:

- Как же я могу пойти в банк, раз я арестован?

- Вот оно что! - сказал инспектор уже от дверей. - Значит, вы меня не поняли. Да, конечно, вы арестованы, но это не должно помешать выполнению ваших обязанностей. И вообще вам это не должно помешать вести обычную жизнь...

- Ну, тогда этот арест вовсе не так страшен, - сказал К. и подошел вплотную к инспектору.

- А я иначе и не думал, - сказал тот.

- Тогда и сообщать об аресте, пожалуй, не стоило, - сказал К. и подошел совсем вплотную.

Остальные тоже подошли к ним. Все столпились у самой двери.

- Это была моя обязанность, - сказал инспектор.

- Глупейшая обязанность, - не сдаваясь, сказал К.

- Возможно, - сказал инспектор, - но не стоит терять время на такие разговоры. Я предположил, что вы хотели пойти в банк. Так как вы каждому слову придаете значение, добавлю: я вас не заставляю идти в банк, я только предположил, что вы этого хотите. И чтобы облегчить вам этот шаг и сделать ваш приход по возможности незаметным, я и предоставил в ваше распоряжение этих трех господ, ваших коллег.

- Что? - крикнул К. и уставился на трех молодых людей.

Эти ничем не приметные худосочные юнцы, которых он воспринимал до сих пор только как посторонних людей, глазеющих на фотографии, действительно были чиновники из его банка; не коллеги - это было слишком сильно сказано и доказывало, что всеведущий инспектор знает далеко не все, - но действительно

это были низшие служащие из его банка. И как это К. мог их не узнать? Насколько же он был занят разговором с инспектором и стражей, что не узнал этих троих! Суховатого Рабенштейнера, вечно размахивающего руками, белокурого Куллиха с запавшими глазами и Каминера с его невыносимой улыбкой из-за хронически перекошенных мускулов лица.

– С добрым утром! – сказал К. минуту спустя, и все трое с корректным поклоном пожали протянутую руку. – Совсем вас не узнал. Значит, теперь отправимся вместе на работу?

Все трое с готовностью заулыбались и закивали, словно только этого и дожидались, а когда К. не нашел своей шляпы – она осталась в его комнате, – они все гуськом побежали туда, что, разумеется, указывало на некоторую растерянность. К. стоял и смотрел им вслед через обе открытые двери; последним, конечно, бежал равнодушный Рабенштейнер, он просто трусил элегантно рысцой. Каминер подал шляпу, и К. должен был напомнить самому себе, как часто бывало и в банке, что Каминер улыбается не нарочно, больше того, что улыбнуться нарочно он не может.

Фрау Грубах, у которой вид был вовсе не виноватый, отперла двери в прихожей перед всей компанией, и К. по привычке взглянул на завязки фартука, которые слишком глубоко врезались в ее мощный стан. На улице К. поглядел на часы и решил взять такси, чтобы не затягивать еще больше получасовое опоздание. Каминер побежал на угол за такси, а оба других сослуживца явно пытались развлечь К. И вдруг Куллих показал на парадное в доме напротив, откуда только что вышел высокий человек со светлой бородкой и, несколько смущенный тем, что его видно во весь рост, отступил назад и прислонился к стенке. Очевидно, старики еще спускались по лестнице. К. рассердился на Куллиха за то, что тот обратил его внимание на этого мужчину; он же сам видел его еще тогда, у окна, более того, он ждал, что тот выйдет.

– Не смотрите туда! – отрывисто бросил он, не замечая, насколько неуместен такой тон по отношению к взрослым людям.

Но объяснять ничего не пришлось, потому что подошел автомобиль, все уселись и поехали. Только тут К. спохватился, что он совершенно не заметил, как ушел инспектор со стражей: раньше из-за инспектора он не видел троих чиновников, а теперь из-за чиновников прозевал инспектора. Об особом присутствии духа это не свидетельствовало, и К. твердо решил последить за собой в этом отношении.

Но он невольно обернулся и высунулся из такси, чтобы проверить еще раз, там ли инспектор со стражей или нет. Однако он тут же повернулся назад и удобно откинулся в угол, даже не посмотрев, там ли они. Хоть он и не показывал виду, но именно сейчас ему хотелось бы с кем-нибудь заговорить. Но его спутники явно устали: Рабенштейнер смотрел направо, Куллих – налево, и только Каминер как будто был готов к разговору, со своей вечной ухмылкой, над которой, к сожалению, нельзя было подтрунить из простого человеколюбия.

Этой весной К. большей частью проводил вечера так: после работы, если еще оставалось время – чаще всего он сидел в конторе до девяти, – он прогуливался один или с кем-нибудь из сослуживцев, а потом заходил в пивную, где обычно просиживал с компанией пожилых господ за их постоянным столом часов до одиннадцати. Бывали и нарушения этого расписания, например, когда директор банка, очень ценивший К. за его работоспособность и надежность, приглашал его покататься в автомобиле или поужинать на даче. Кроме того, К. раз в неделю посещал одну барышню, по имени Эльза, которая всю ночь до утра работала кельнершей в ресторане, а днем принимала гостей исключительно в постели.

Но в этот вечер – весь день пролетел незаметно в напряженной работе и во всяких лестных и дружественных поздравлениях с днем рождения – К. решил сразу пойти домой. Каждый раз в перерывах между работой он об этом думал; неизвестно почему, ему все время казалось, что из-за утренних событий во всей квартире фрау Грубах царит ужасный хаос и что именно он должен навести там порядок. А раз порядок будет восстановлен, то все следы утренних событий исчезнут и все пойдет по-прежнему. Опасаться тех трех чиновников, конечно, было нечего: они растворились в огромной массе банковских служащих, и по ним ничего заметно не было. К. несколько раз, и вместе и поодиночке, вызывал их к себе с единственной целью – понаблюдать за ними, и каждый раз он отпускал их вполне удовлетворенный.

Когда он в половине десятого подошел к своему дому, он встретил в подъезде молодого парня, который стоял, широко расставив ноги, с трубкой в зубах.

– Вы кто такой? – сразу спросил К. и надвинулся на парня; в полутемном подъезде трудно было что-либо разглядеть.

– Я сын швейцара, ваша честь, – сказал парень, вынул трубку изо рта и отступил в сторону.

– Сын швейцара? – переспросил К. и нетерпеливо постучал палкой об пол.

– Может быть, вам что-нибудь угодно? Прикажете позвать отца?

– Нет, нет, – сказал К., и в голосе его послышалось что-то похожее на снисхождение, словно парень натворил бед, а он его простил. – Все в порядке, – добавил он и пошел дальше, но, прежде чем подняться на лестницу, еще раз оглянулся.

Он мог бы пройти прямо к себе в комнату, но, так как ему надо было поговорить с фрау Грубах, он сразу постучался к ней. Она сидела с чулком в руках у стола, на котором лежала еще груда старых чулок. К. рассеянно извинился, что зашел так поздно, но фрау Грубах была с ним очень приветлива и никаких извинений слушать не захотела; для него она всегда дома, он отлично знает, что из всех ее квартирантов он самый лучший, самый любимый. К. оглядел комнату: все было на старом месте, посуда от завтрака, стоявшая утром на столике у окна, тоже была убрана. Женские руки все могут сделать незаметно, подумал он; сам он, наверно, скорее перебил бы всю посуду, но, уж конечно, не сумел бы унести ее отсюда. С благодарностью он посмотрел на фрау Грубах.

– Почему вы так поздно работаете? – спросил он.

Теперь они оба сидели у стола, и К. время от времени ворошил рукой груду чулок.

– Работы много, – сказала она. – Весь день уходит на квартирантов; а приводить свои вещи в порядок я могу только по вечерам.

– Сегодня я, наверно, доставил вам много лишних хлопот?

– Чем же это? – спросила она, оживившись, и опустила чулок на колени.

– Я про тех людей, которые приходили утром.

– Ах, вот оно что, – сказала она прежним спокойным голосом. – Нет, никаких особых хлопот тут не было.

К. молча смотрел, как она снова взялась за чулок. «Кажется, она удивлена, что я об этом заговорил, – подумал он, – кажется, она считает неправильным, что я об этом заговорил. Тем важнее все ей высказать. Только с таким старым человеком я не могу об этом поговорить».

– Ну как же, – сказал он вслух, – хлопот вам они, конечно, доставили немало. Но больше это не случится!

– Да, больше такое случиться не может, – подтвердила она и взглянула на К. с немного грустной улыбкой.

– Вы серьезно так думаете? – спросил К.

– Да, – сказала она тихо. – Но главное – вы не должны принимать все это близко к сердцу. Чего только на свете не бывает! И уж раз вы со мной так откровенно заговорили, господин К., то могу вам признаться: я кое-что подслушала под дверью, да и стража мне немножко рассказала. Ведь речь идет о вашей судьбе, и я за вас душой болею, хоть, может быть, мне это и не пристало, ведь я вам всего лишь квартирная хозяйка. Так вот, я кое-что слышала и не могу сказать, что все так плохо. Нет, нет. Правда, вы арестованы, но не так, как арестовывают воров. Когда арестовывают вора, дело плохо, а вот ваш арест... мне кажется, в нем есть что-то научное. Вы уж меня простите, если я говорю глупости, но, мне кажется, тут, безусловно, есть что-то научное. Я, правда, мало что понимаю, но, наверно, тут и понимать не следует.

– Вовсе это не глупости, фрау Грубах, по крайней мере я с вами отчасти согласен. Правда, я сужу об этом гораздо строже, чем вы, для меня тут не только ничего научного нет, но и вообще за всем этим нет ничего. На меня напали врасплох, вот и все. Если бы я встал с постели, как только проснулся, не растерялся бы оттого, что не пришла Анна, не обратил бы внимания, попался мне кто навстречу или нет, а сразу пошел бы к вам и на этот раз в виде исключения позавтракал бы на кухне, а вас попросил бы принести мое платье из комнаты, тогда ничего и не произошло бы, все, что потом случилось, было бы задушено в корне. Но в таких делах человек легко попадает впросак. Вот, например, в банке я ко всему подготовлен, там ничего подобного со мной

случиться не могло бы, там у меня свой курьер, на столе стоит городской и внутренний телефон, все время заходят люди – и служащие и клиенты, да, кроме того, я там все время связан с работой, во всем отдаю себе отчет, там такая история мне просто доставила бы удовольствие. Ну, ничего, теперь все кончилось. Собственно говоря, мне даже не хотелось об этом говорить, надо было только услышать ваше мнение, мнение разумной женщины, и я чрезвычайно рад, что мы во всем с вами сошлись. А теперь давайте руку, такое единодушие надо скрепить рукопожатием.

«Интересно, подаст она мне руку или нет? Инспектор мне руки не подал», – подумал он и посмотрел на хозяйку долгим, испытующим взглядом. Она встала, потому что встал он, слегка смущенная тем, что не все слова К. ей были понятны. И от смущения она сказала вовсе не то, что хотела и что было совсем уж неуместно.

– Не принимайте все так близко к сердцу, господин К., – сказала она со слезами в голосе, но пожать ему руку забыла.

– Да я как будто и не принимаю, – сказал К., чувствуя внезапную усталость и поняв, насколько ему не нужно сочувствие этой женщины.

У двери он еще спросил:

– А фройляйн Бюрстнер дома?

– Нет, – сказала фрау Грубах и смягчила сухой ответ запоздалой, участливой и понимающей улыбкой. – Она в театре. А вам она нужна? Может быть, передать ей что-нибудь?

– Нет, мне просто хотелось сказать ей несколько слов.

– К сожалению, я не знаю, когда она вернется. Обычно она возвращается из театра довольно поздно.

– Это неважно, – сказал К. и, опустив голову, пошел к двери. – Я только хотел извиниться, что сегодня пришлось воспользоваться ее комнатой.

– Не стоит, господин К., вы слишком щепетильны, ведь барышня ничего об этом не знает, ее с самого утра дома не было, да там все уже убрано, посмотрите сами. – И она открыла дверь в комнату фройляйн Бюрстнер.

– Не надо, я вам и так верю, – сказал К., но все же подошел к открытой двери. Луна спокойно освещала темную комнату. Насколько можно было разобрать, все действительно стояло на месте, даже блузка уже не висела на оконной ручке. Постель казалась особенно высокой в косой полосе лунного света.

– Барышня часто приходит поздно, – сказал К. и посмотрел на фрау Грубах, как будто она за это отвечала.

– Молодежь, что поделаешь! – сказала фрау Грубах, словно извиняясь.

– Да, да, конечно, – сказал К. – Но это может зайти слишком далеко.

– О да, конечно! – сказала фрау Грубах. – Вы совершенно правы, господин К. Может быть, и в данном случае вы тоже правы. Не хочу сплетничать про фройляйн Бюрстнер, она хорошая, славная девушка, такая приветливая, аккуратная, исполнительная, трудолюбивая, я все это очень ценю, но одно верно: надо бы ей больше гордости, больше сдержанности. А в этом месяце я уже два раза видела ее в глухих переулках, и каждый раз с другим кавалером. Очень мне это неприятно, господин К. Клянусь богом, я рассказываю это только вам одному, но, как видно, придется и с самой барышней поговорить. Да и не одно это вызывает у меня подозрения.

– Вы глубоко заблуждаетесь, – сказал К. сердито, с трудом скрывая раздражение, – и вообще вы неверно истолковали мои слова про барышню, я совсем не то хотел сказать. Искренне советую вам ничего ей не говорить. Вы глубоко заблуждаетесь, я ее знаю очень хорошо, и все, что вы говорите, неправда! Впрочем, может быть, я слишком много беру на себя, зачем мне вмешиваться, говорите ей, что хотите. Спокойной ночи!

– Господин К.! – умоляюще сказала фрау Грубах и побежала за К. до самой его двери, которую он уже приоткрыл. – Да я вовсе и не собираюсь сейчас говорить с барышней, конечно, я сначала должна еще понаблюдать за ней, ведь я только вам доверила то, что я знаю. В конце концов, каждый жилец заинтересован, чтобы в пансионе все было чисто, а я только к этому и стремлюсь!

– Ах, чисто! – крикнул К. уже в щелку двери. – Ну, если вы хотите соблюдать чистоту в вашем пансионе, так откажите от квартиры мне первому! – Он захлопнул двери и не ответил на робкий стук.

Но спать ему совсем не хотелось, и он решил не ложиться и на этот раз установить, когда вернется фройляйн Бюрстнер. И, быть может, ему удастся сказать ей несколько слов, хотя время совсем неподходящее. Высунувшись в окно и щуря усталые глаза, он даже на минуту подумал, не наказать ли фрау Грубах, уговорив фройляйн Бюрстнер вместе с ним съехать с квартиры. Но он тут же понял, что слишком все преувеличивает, и даже заподозрил себя в том, что ему просто хочется переменить квартиру после утренних событий. Ничего бессмысленнее, а главное, ничего бесцельнее и бездарнее нельзя было и придумать.

Когда ему надоело смотреть на пустую улицу, он прилег на кушетку, но сначала приоткрыл дверь в прихожую, чтобы, не вставая, видеть всех, кто войдет в квартиру. Часов до одиннадцати он пролежал спокойно на кушетке, покуривая сигару. Но потом не выдержал и вышел в прихожую, как будто этим можно было ускорить приход фройляйн Бюрстнер. У него не было никакой охоты ее видеть, он даже не мог точно вспомнить, как она выглядит, но ему нужно было с ней поговорить, и его раздражало, что из-за ее опоздания даже конец дня вышел такой беспокойный и беспорядочный. Виновата она была и в том, что он не поужинал и пропустил визит к Эльзе, назначенный на сегодня. Конечно, можно было бы наверстать упущенное и пойти в ресторанчик, где работала Эльза. Он решил, что после разговора с фройляйн Бюрстнер он так и сделает.

Уже пробило половину двенадцатого, когда на лестнице раздались чьи-то шаги. К. так ушел в свои мысли, что с громким топотом расхаживал по прихожей, как по своей комнате, но тут он торопливо нырнул к себе. В прихожую вошла фройляйн Бюрстнер. Заперев дверь, она зябко закутала узкие плечи шелковой шалью. Еще миг, и она скроется в своей комнате, куда К. в этот полуночный час, разумеется, войти не мог. Значит, ему надо было заговорить с ней сразу; но, к несчастью, он забыл зажечь свет у себя в комнате, и, если бы он сейчас вышел оттуда, из темноты, это походило бы на нападение. Во всяком случае, он мог очень напугать ее. В растерянности, боясь потерять время, он прошептал сквозь дверную щелку:

– Фройляйн Бюрстнер! – Этот возглас прозвучал как мольба, а не как оклик.

– Кто тут? – спросила фройляйн Бюрстнер, испуганно оглядываясь.

– Это я! – сказал К. и вышел к ней.

– Ах, господин К.! – с улыбкой сказала фройляйн Бюрстнер. – Добрый вечер! – И она протянула ему руку.

– Я хотел бы сказать вам несколько слов сейчас, вы разрешите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/franc-kafka/process-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)